

К 63.5
Т-70

Троцкий
Тохарова Кострина

77

Во всѣхъ обрядахъ, нами выше указанныхъ, несомнѣнно населеніе въ лицѣ „костромы“ желало олицетворить весну и этимъ путемъ до извѣстной степени обожествить это олицетвореніе.

;
.
~~~~~
А. В. Смирновъ.

30432

II.

Обычай „Похоронъ костромы“ по своему происхожденію принадлежитъ къ остаткамъ сѣдой старины не только славянскаго, а и вообще до христіанскаго язычества. Многія изъ этихъ вѣрованій сохранились въ средѣ простого народа въ видѣ обрядовъ, примѣтъ, игръ и пѣсенъ, которыми сопровождаются явленія какъ бытовой—семейной, такъ и общественной жизни. Значительная часть изъ этого древняго наслѣдія забылась и стала непонятна самому народу, но всетаки по укоренившемуся преданію исполняется,—при этомъ, исполняется, конечно, съ немалыми искаженіями, дополненіями и утратой того, чего не могла сохранить народная память и что вытѣснялось въ теченіе вѣковъ вліяніемъ разныхъ причинъ и условій жизни. Нѣкоторые обряды, игры и пѣсни считаются и теперь не только обязательными, въ силу стародавняго преданія, но и крайне необходимыми для успѣха, счастья въ семьѣ и трудѣ. Таковы, напр, обычаи при свадьбахъ (выкупъ невѣсты, обсыпаніе хмѣлемъ), при рожденіи ребенка (пиры), при погребеніи умершаго (поминки), при жнитвѣ, выгонѣ скота весной и проч. Вмѣстѣ съ симъ многіе изъ этихъ обрядовъ, игръ и пѣсенъ

сдѣлались уже предметомъ увеселеній и забавы въ деревенской жизни, — и всетаки продолжаютъ свою жизнь если не въ кругу взрослыхъ, то хотя бы въ средѣ молодежи и дѣтей. Нѣтъ сомнѣнія, что и обрядъ похоронъ костромы въ теченіе вѣковъ подвергся тоже видоизмѣненіямъ и наслоеніямъ разностороннихъ вліяній, и совершеніе его въ наше время весьма значительно удалилось отъ его первообраза.

Совершеніе этого обряда въ предѣлахъ Муромскаго уѣзда нашей губерніи описано выше въ замѣткѣ г. Смирнова, а въ цѣляхъ выясненія смысла даннаго обряда, мы ограничимся изображеніемъ его лишь въ самыхъ краткихъ чертахъ. Похороны костромы совершались около Петрова дня. Молодежь въ заранѣе назначенномъ мѣстѣ приготавливала изъ соломы куклу или чучело, наряжала его въ женское платье, украшала цвѣтами, или же просто перевязывала въ нѣсколькихъ мѣстахъ веревками. Это чучело и должно было изображать Кострому. Затѣмъ, Кострому клали въ колоду гробовую¹⁾, поднимали на руки и съ пѣснями несли на берегъ рѣки или пруда. Здѣсь сопровождавшіе Кострому раздѣлялись на двѣ партіи: одни становились вокругъ чучела и, производя разныя движенія, какъ бы охраняли его; другіе нападали на охранителей и старались отнять чучело. Между обѣими партіями завязывалась борьба, которая оканчивалась побѣдой нападающихъ; они схватывали чучело, срывали съ него платье, цвѣты или перевязи, соломѣ топтали ногами и бросали со смѣхомъ въ воду. Между тѣмъ, побѣжденные защитники предавались неутѣшному горю, закрывали лица руками, какъ бы оплакивали

¹⁾ У Афанасьева въ „Поэтич. возрѣн. славянъ на природу“, вѣроятно, ошибочно названо корыто по сходству послѣдняго съ колодой (III т. 725).

Кострому. Послѣ этого обѣ партіи сходились и уже съ веселыми пѣснями возвращались въ селеніе. Въ другихъ мѣстахъ чучело дѣлается изъ соломы и рогожъ, даже изъ сорныхъ травъ и прутьевъ; за-рываютъ его иногда въ землю, при чемъ, по опи-санію Даля, часть провожатыхъ похоронной про-цессіи, „плачутъ и причитаютъ, жалѣя Кострому и не давая ей въ обиду, прочіе съ грубыми остротами продолжаютъ похороны, послѣ которыхъ пьютъ, и веселятся въ послѣдній разъ до осени, до уборки хлѣба“. Но вообще этотъ обрядъ всегда былъ мало распространенъ въ Великой Россіи, и для объясне-нія его приходится обращаться къ другимъ обрядо-вымъ празднествамъ.

Въ данномъ случаѣ большое сходство съ об-рядомъ похоронъ Костромы не только въ общемъ характерѣ, а даже и въ деталяхъ имѣетъ праздне-ство, связанное съ именемъ Ярилы. Празднество это справлялось приблизительно въ то же время, что и похороны Костромы, начиная съ всесвятскаго заговѣнья и до 24 іюня, т. е. до такъ называемаго дня Ивана Купалы. Во многихъ мѣстахъ праздне-ство состоитъ именно въ погребеніи Ярилы. Из-браннаго (большею частію старика) одѣвали въ рубище, заставляли пѣть, плясать и во главѣ раз-гульной и настроенной къ разнузданности толпы. Ему вручали небольшой гробъ съ куклой, которая изображала Ярила и нарочито дѣлалась съ огром-нымъ дѣтороднымъ удомъ. Вокругъ него шли жен-щины, причитывали нараспѣвъ похоронныя жалоб-ницы и жестаи своими старались выразить скорбь и страданіе. Въ полѣ вырывали могилу, хоронили въ нее куклу съ плачемъ и воемъ, и тотчасъ же начинали игры и пляски, напоминавшія языческую

тризну. Затѣмъ, значительное сходство въ порядкѣ и образѣ отправленія имѣютъ съ похоронами Костромы древнія празднества: провожаніе весны, проводы русалокъ и особенно часто встрѣчающійся въ письменныхъ памятникахъ праздникъ Ивана—Купалы. Въ своемъ очеркѣ мы считаемъ излишнимъ давать подробное изображеніе cadaго изъ нихъ; лица, интересующіяся этимъ предметомъ, могутъ обстоятельно ознакомиться по трудамъ Аѳанасьева („Поэтическія воззрѣнія славянъ на природу“), Фаминцина („Божества древнихъ славянъ“), Снегирева („Русскіе простонародные праздники“) и др. Всюду, во всѣхъ этихъ обрядовыхъ празднествахъ мы встрѣчаемъ одну и ту же, такъ сказать, обстановочную сторону. Непремѣнной ихъ принадлежностью является избранное изъ среды участниковъ празднества лицо, а чаще чучело и кукла, сдѣланная изъ соломы или сорныхъ травъ. Чучело наряжается въ женское платье и украшается цвѣтами и лентами. Затѣмъ съ пѣснями его уносятъ и опускаютъ, съ выраженіемъ печали, или въ землю или въ воду.

Отмѣченныя обрядовыя празднества, какъ и другія сохранившіяся или въ живой дѣйствительности, или въ памяти народной, представляютъ, какъ извѣстно, наглядныя выраженія мифическихъ вѣрованій нашихъ предковъ въ явленія природы. Два равноденствія, два солнцестоянія (зимнее и лѣтнее) и два поворота солнца на зиму и на лѣто легли въ основу главныхъ языческихъ празднествъ древнихъ славянъ русскаго племени. Празднества эти представляютъ двѣ основныя группы: къ одной—принадлежатъ празднества, извѣстныя подъ общимъ наименованіемъ „коляды“, къ другой—празднества подъ именемъ „купалы“. Главная мысль, лежащая

въ основѣ этихъ празднествъ, можетъ быть выражена кратко въ слѣдующихъ словахъ: оживленіе природы съ наступленіемъ весенняго времени и замираніе ея съ приближеніемъ и наступленіемъ зимы. Въ колядскихъ и весеннихъ обрядахъ отразились языческія представленія объ оживаніи солнца и природы; отсюда обряды заклинанія весны, дождя, расцвѣтанія деревъ и травъ, ожиданія урожая хлѣбовъ, приплода скота и проч. Въ обрядахъ и пѣсняхъ купальскихъ, наоборотъ, отразились представленія объ ослабленіи плодотворной силы солнца и умирающей природы. Языческое отправленіе этихъ послѣднихъ обрядовъ и празднествъ приурочено было ко времени лѣтняго солнцестоянія. Около половины юня полуденное солнце достигаетъ высочайшей точки на небѣ; дни становятся наиболѣе продолжительными и наступаетъ пора томительнаго зноя; на этой вершинѣ оно остается въ теченіе нѣсколькихъ дней, которые и называются днями лѣтняго солнцестоянія. Затѣмъ, солнце поворачиваетъ на зимній путь и начинаетъ все ниже и ниже опускаться своимъ дугообразнымъ путемъ по небесной горѣ. вмѣстѣ съ этимъ оно съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе утрачиваетъ свой живоносный свѣтъ. Дни начинаютъ сокращаться, ночи удлиняться, и природа, достигшая высшаго расцвѣта и плодотворенія, близится къ увяданію и замиранію.

Обрядъ похоронъ Ярилы, погруженія чучель весны, русалокъ и купалы въ воду являются нагляднымъ выраженіемъ миѳическихъ вѣрованій нашихъ предковъ въ таинственное для нихъ ослабленіе солнечной силы и наступленіе вмѣстѣ съ симъ замиранія природы. Такой же смыслъ и значеніе имѣетъ и совершаемый въ это время и весьма сходный

съ вышеописанными обычаями обрядъ похоронъ Костромы. А по связи съ смысломъ обрядовъ понятнымъ становится, какое именно существо наши предки разумѣли и чтили подъ именемъ Костромы. Разъ обряды въ честь Костромы являются выраженіемъ тѣхъ же вѣрованій, какія народная фантазія олицетворяла въ празднествахъ Ярила и Купалы, то должно быть тожество и между самыми миѳическими существами. Аенасъевъ, на основаніи сопоставленія цѣлаго ряда вѣрованій разныхъ славянскихъ племенъ и путемъ филологическихъ изъясненій именъ Ярила и Купалы, приходитъ къ заключенію, что оба эти наименованія обозначаютъ одно и то же плодотворящее божество лѣта; дѣятельность его, начинаясь съ весенней поры, завершается періодомъ цвѣтенія. Значитъ, и въ погребаемомъ существѣ подъ именемъ Костромы древне-русское язычество чтило все оживляющаго и плодотворящаго бога солнца, и при похоронахъ Костромы скорбѣло, печалилось о томъ, что это божество начинаетъ оставлять землю и предавать ее власти тьмы и холода и тѣсно связанному съ симъ увяданію и замиранію природы.

Таковъ смыслъ обряда похоронъ Костромы и таковы представленія древне-русскаго язычника о высшемъ существѣ, которое онъ разумѣлъ подъ этимъ наименованіемъ.

Обращаемся къ вопросу, почему обычай похоронъ костромы имѣлъ мѣсто именно въ Муромскомъ, а не другомъ уѣздѣ Владимірской губерніи. Дать на это прямой опредѣленный отвѣтъ, за отсутствіемъ опредѣленныхъ данныхъ не представляется возможнымъ. Остается поэтому прибѣгнуть только къ сильнымъ предположеніямъ. Обычай похоронъ Ко-

стромы—южно-русского происхожденія и распространены въ Малороссіи подъ именемъ похоронъ Костубоньки. Въ центральную Русь названный обычай, нужно полагать, шелъ по приволжью, въ какомъ направленіи совершалась вообще и колонизація нашего отечества. Достоинно вниманія, что этотъ обрядъ оказывается, кромѣ юга Россіи, наиболѣе распространеннымъ въ губерніяхъ: Саратовской, симбирской и пензенской и уже здѣсь „Кострубонько“ передѣланъ былъ въ „Кострому“. Сѣверная же часть Пензенской губерніи, именно уѣздъ Краснослободскій, находится въ недалекомъ разстояніи отъ муромскаго уѣзда, отдѣляясь отъ послѣдняго небольшою полосой Нижегородской губерніи. Кромѣ этого краткаго сухого пути, занесеніе обычая похоронъ Костромы изъ Пензенской губерніи въ Муромскій уѣздъ могло совершиться и другимъ путемъ. Въ стародавнія времена, когда большая часть пространства центральной Россіи была покрыта дремучими, непроходимыми лѣсами, сношенія жителей происходили по преимуществу по рѣчнымъ артеріямъ. Въ рассматриваемомъ случаѣ значительную роль могли играть рѣки Мокша и Ока. Мокша своими истоками начинается въ южной части Пензенской губерніи и, протекая по всей ея длинѣ, за границами губерніи впадаетъ въ р. Оку, на разстояніи 200—300 верстъ отъ Мурома. Весьма возможно, что перенесенію въ Муромскій уѣздъ обычая похоронъ Костромы, наряду съ другими обрядами и вѣрованіями юга, способствовалъ и этотъ водный путь.

Что касается самого слова „Кострома“, то относительно его значенія дается слѣдующее филологическое объясненіе: въ областныхъ говорахъ

кострóма означает прутья, сорныя травы, отсюда слова—костра, костеря, кострака, т. е. жесткая кора растеній, годныхъ для пряжи. Это даетъ поводъ къ предположенію, что въ южной Руси чучело кострóмы дѣлалось не только изъ соломы, а также изъ сорныхъ травъ и прутьевъ. Значить, слово, усвоенное олицетворенному божеству, въ качествѣ имени, указываетъ на матеріаль, употреблявшійся при соверше-ніи обычая.

А. И. Троицкій.

30432

Источники: 1. Владиміровъ. Введеніе въ исторію рус. словесности (Журн. Мин. Пар. Просв. 1895 г. № 4). 2. Фаминцевъ. Богиня всены и смерти) (Вѣстникъ Евр. 1895 г. № 6) 3. Аванасьева. Поэтическія воззрѣнія славянъ на природу.

